

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Д. А. ВОРОПАЕВ*, В. И. ПАВЛОВ**, А. Л. САВЕНОК***

28–29 апреля 2017 г. в Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск, Беларусь) состоялась 4-я Международная научная конференция «Классическая и постклассическая методология юридической науки». Тема конференции — «Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики».

Начало проведению данного научного форума в Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь в Минске было положено в 2011 г. по инициативе двух кафедр — кафедры теории и истории государства и права и кафедры уголовного права и криминологии. Изначально научные мероприятия имели статус международных научных семинаров (всего с 2011 г. были проведены три таких семинара), но в 2017 г. из-за расширения состава участников семинар трансформировался в формат международной научной конференции. Проблемное поле, которое организаторы определили в качестве постоянного для всех проводимых конференций и вокруг которого ведется дискуссия и определяются темы мероприятий, — это вопросы классической и постклассической методологии юридической науки.

* *Воропаев Дмитрий Александрович* — канд. юрид. наук, ст. преп., Академия МВД Республики Беларусь.

Dmitry A. Voropaev — PhD in Law, Lecturer, Academy of the MIA of the Republic of Belarus.

E-mail: voropaevd@tut.by

** *Павлов Вадим Иванович* — канд. юрид. наук, доц., Академия МВД Республики Беларусь.

Vadim I. Pavlov — PhD in Law, Associate Professor, Academy of the MIA of the Republic of Belarus.

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

*** *Савенок Анатолий Леонидович* — канд. юрид. наук, доц., Академия МВД Республики Беларусь.

Anatoly L. Savenok — PhD in Law, Associate Professor, Academy of the MIA of the Republic of Belarus.

E-mail: a.savenok@rambler.ru

Проблема правопонимания, выбранная в качестве темы 4-й конференции, имеет особую актуальность для современной юриспруденции, поскольку она в некотором роде является отражением развития постсоветского юридического знания как такового. Сегодня в постсоветской юриспруденции нельзя не замечать появления ряда новых методологических направлений, таких как антропология права, коммуникативная теория права, юридическая герменевтика и др. В то же время в юридической науке продолжают развиваться и традиционные подходы к познанию права. В последние годы отношения этих двух методологических линий — классических, традиционных подходов к праву и постклассических правовых концепций (которые можно именовать просто современными правовыми концепциями, поскольку они основаны на ведущих философских теориях XX в.) — являются непростыми, нередко они не до конца прояснены в своем существе и связаны с недостаточным пониманием друг друга. В частности, нельзя не отметить вышедшие в 2016 г. критические публикации сторонников традиционных подходов к исследованию права В. М. Сырых¹ и О. Э. Мартышина², в которых развитие новых направлений в юриспруденции представляется сугубо в негативном ключе. Вместе с тем очевидно, что сегодня количество юридических исследований с использованием постклассических методологических подходов в праве объективно увеличивается. Более того, новые правовые исследования не содержат в своей основе отказа от традиционного юридического знания, в том числе от устоявшегося понятийно-категориального аппарата, в качестве некой самоцели. Появление данных подходов в праве возможно только на базе традиционного юридического знания, что, однако, предполагает критическое отношение к этому знанию, его методологическую перепроверку. Поэтому одной из основных тенденций в современном правоведении можно считать процесс взаимной адаптации двух методологических линий, выработку культуры диалога двух традиций для их совместного развития и сотрудничества, что особенно актуально в среде специалистов отраслевых юридических дисциплин, где отношение к постклассической методологии права не всегда однозначно.

Несмотря на то что конференция была посвящена проблеме правопонимания, организаторы не ставили жестких предметных рамок для участников. По уже сложившейся традиции основными требованиями к докладам был теоретико-методологический уровень анализа обсуждаемой научной проблемы и их научная новизна. В работе научного форума приняли участие исследователи из Беларуси, России, Украины и Армении: с докладами выступили представители Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Института государства и права Российской Академии наук, Белорусского государственного университета, Львовского национального университета им. Ивана Франко, Академии Генеральной

¹ *Сырых В. М.* Российские правоведаы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.

² *Мартышин О. Э.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

прокуратуры РФ, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Российского государственного гуманитарного университета, Белорусского государственного экономического университета, Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений Международного университета «МИТСО», Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Санкт-Петербургского филиала научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института правовых исследований, адвокатуры и медиации при Адвокатской палате Санкт-Петербурга, Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, Самарского юридического института ФСИН России, Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого.

Формат работы конференции предполагал заслушивание докладов участников и вопросы докладчику, т. е. краткую дискуссию. В работе конференции приняли участие 49 человек; доклады участников были опубликованы к началу работы семинара в сборнике научных трудов³.

С приветственным словом к участникам конференции обратился канд. юрид. наук, доцент, первый заместитель начальника Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь *Алексей Владимирович Башан*. Докладчик обратил внимание на имеющийся огромный потенциал и необходимость во взаимодействии представителей философско-правового и теоретико-правового знания и специалистов отраслевых юридических дисциплин, практикующих юристов в части решения актуальных проблем, возникающих в правоприменительной деятельности. Выступающий выразил надежду, что конференция будет способствовать прояснению методологических проблем правопонимания и правовой науки в целом, а также пожелал участникам научного форума плодотворной работы.

Кандидат юрид. наук, доцент, проректор Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь по научной работе *Александр Васильевич Яскевич* также отметил, что данный форум занимает важное место среди научных мероприятий, проводимых Академией, и превратился уже в визитную карточку учреждения образования. Он пожелал участникам конференции активного общения и выразил надежду на дальнейшее продолжение сотрудничества между научными и образовательными учреждениями Беларуси, России и Украины.

Научные доклады участников конференции открыло выступление д-ра юрид. наук, профессора *Владимира Георгиевича Графского* (Москва) **«О некоторых категориальных проблемах современной теории права**

³ Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики: сб. науч. трудов / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск, 2017.

(на примере правопонимания В. С. Нерсесянца)». Докладчик отметил, что понимание права как совокупности требований формализованного равенства, свободы и справедливости стало достоянием отечественной юриспруденции сравнительно недавно, в последней четверти XX столетия, благодаря усилиям В. С. Нерсесянца. Сегодня же наблюдается растущая энтропия обществоведения и находящегося в его составе правоведения, возникшая отчасти эволюционно, по естественно-историческим причинам, отчасти под воздействием легковесных постмодернистских умонастроений. Поэтому сегодня особенно актуальна задача сохранения фундаментального профиля многих общественных наук, в том числе юриспруденции.

В сложившейся ситуации многие исследователи и философы права склонны видеть выход из почти тупиковой ситуации в создании комплексных дисциплин общего назначения, большинство из которых претендуют на звание интегративной теории права. Существенным докладчику кажется направление, которое связывает выход из положения с разработкой интегрального подхода и созданием уточненных предметных и методологических контуров юриспруденции, которую можно было бы назвать интегральной юриспруденцией. В англоязычной литературе эта ориентация представлена в работах Дж. Холла и Г. Бермана. В русскоязычной литературе это направление связано с работами В. С. Соловьева, А. С. Яценко, Б. А. Кистяковского, Г. Д. Гурвича, Н. Н. Алексеева и В. С. Нерсесянца.

В рамках конструкции интегральной юриспруденции наиболее активно обсуждаются три формы права: правоведение как юриспруденция свободы, как юриспруденция равенства и как юриспруденция справедливости. Первую можно назвать либертарной юриспруденцией (от лат. *libertas* — свобода). Так охарактеризовал главную черту своей концепции права В. С. Нерсесянец. Вторую можно назвать эгалитарной (от фр. *egalite* — равенство). Так ее характеризует В. В. Лапаева. Наконец, третью трактовку можно именовать эквитарной юриспруденцией (от лат. *equitas* — справедливость), или юриспруденцией справедливости. Последней версии и следует придерживаться с учетом излагаемой докладчиком аргументации.

Таким образом, как отметил В. Г. Графский, право в упрощенном и синтезированном виде предстает как сводный (объединенный) масштаб свободы, формализованного равенства и правил — требований правовой справедливости. Однако в характеристике сущности и определении прав и обязанностей нужно непременно указывать, что право — воплощение не просто свободы, равенства или справедливости, а определенной ответственной свободы, ответственного равенства и ответственной справедливости. Ответственность имеет в данном случае значение общеобязательности, обеспечиваемой традиционно убеждением или принуждением в тех или иных формах. Отсутствие надлежущей и обязательной ответственности лишает право желательной и необходимой действенности.

В выступлении на тему «**Практический поворот в постклассической методологии права**» д-р юрид. наук, профессор **Илья Львович Честнов** (Санкт-Петербург) акцентировал внимание на трансформациях современного мировоззрения, картины мира. Важнейшим проявлением таких из-

менений применительно к юриспруденции, по мнению И. Л. Честнова, выступает практический поворот, который во многом определяет содержание постклассической научно-исследовательской программы, ее методологии. Практический поворот в юриспруденции призван, с одной стороны, найти связь между философией права, догматикой (теорией среднего уровня) и эмпирическим уровнем юридического знания, а с другой — преодолеть разрыв между теорией права и отраслевыми (и специальными) юридическими дисциплинами.

Практический поворот, полагает И. Л. Честнов, выражается прежде всего в конструировании правовой реальности и ее воспроизводстве. Именно власть осуществляет политику права, которую образуют процесс и результат дискурсивной борьбы социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации некоторых социальных явлений как наиболее значимых. Далее, правовая политика — это придание им юридического статуса — закрепление в юридических формах. Затем правовая политика включает их воспроизводство как правоприменителями, так и широкими слоями общества. Очевидно, что правовая политика должна учитывать внешние факторы, на нее влияющие, и в первую очередь отношение населения к правовым инновациям, которое (отношение) по большому счету конструируется дискурсивными практиками власти и тем самым обеспечивает убеждение народных масс в их (инновациях) легитимности.

Постклассическая методология юриспруденции реализует идеи практического поворота также в анализе воспроизводства правовой инновации в правопорядке. В связи с этим традиционное понятие «правовое регулирование» (или «действие права») наполняется новым содержанием. Норма права — это не только знак, фиксирующий возможное, должное или запрещенное поведение, но и его фиксация в социальном правовом значении, а затем — реализация или воспроизводство в индивидуальном смысле и поведенческих практиках (или практиках, включающих как поведенческий, так и ментальный аспект — значения и смысла).

Следующий докладчик, д-р филос. наук, профессор **Марина Александровна Можейко** (Минск), предложила для обсуждения тему «**Парадигма нелинейности и проблемы ответственности в современной культуре**». М. А. Можейко начала выступление с ряда вопросов. Определяется ли поведение человека системой внешних (социальных) детерминанционных факторов, как виделось это классической культуре? Или оно определяется стечением случайных факторов (а именно такая идея питает постмодернистскую культуру)? И можно ли в этой ситуации говорить о свободе выбора поведенческой стратегии и, соответственно, об ответственности за избранную линию поведения? Эти вопросы чрезвычайно актуальны в рамках сформулированной в современной культуре парадигмы нелинейного мышления, основанной на новом типе детерминизма.

Важнейшим аспектом понимания детерминизма в качестве нелинейного выступает отказ от идеи принудительной каузальности, предполагающей наличие внешней причины. В этом контексте остро встает проблема

как ответственности субъекта за вмешательство в течение нелинейного процесса, так и самой возможности этой ответственности как таковой. Имманентное включение в процесс самоорганизации фактора случайной флуктуации делает принципиально невозможным предвидение будущих состояний системы, исходя из знания о ее наличном состоянии, поскольку, по мнению И. Пригожина и И. Стенгерс, «часто отклик системы на возмущение оказывается противоположным тому, что подсказывает нам наша интуиция»⁴.

В современной интерпретации нелинейности процесс развития понимается не как непрерывный ряд жестких причинно-следственных зависимостей, выражающихся в динамической закономерности, но как результат взаимодействия независимых событийных потоков, порождающих те или иные тенденции. Если в рамках линейной парадигмы случайные факторы могли интерпретироваться в качестве внешних и несущественных помех реализации доминантного вектора эволюции, которыми можно было пренебречь, то в рамках анализа нелинейных систем именно случайные флуктуации, понятые как имманентные по отношению к процессу, оказываются одним из ее решающих факторов.

В качестве важнейшего момента нелинейных динамик выступает поливариантность протекания процессов, предполагающая наличие эволюционных альтернатив, при этом исследуемые синергетикой возможности альтернативных версий развития, обеспечивающие онтологический плюрализм универсума, не даны изначально, но возникают в ходе процесса эволюции системы.

Фундаментальным механизмом, обеспечивающим реализацию нелинейности развития, выступают бифуркации: при удалении от состояния равновесия система достигает так называемого порога устойчивости, за которым для системы открывается несколько возможных ветвей развития. Согласно постмодернистскому видению ситуации, бифуркационный выбор принципиально не подчинен линейному детерминизму. В терминологии Ж. Делеза точка бифуркации открывает веер равновозможных, но «несовозможных» версий разворачивания событийности, и актуализация той или иной из них («выбор») осуществляется принципиально случайным путем.

В итоге подобный подход позволяет достаточно четко зафиксировать морально-этическое измерение нелинейной ситуации выбора: поскольку поворот вектора эволюции в ту или другую сторону объективно случаен, постольку предшествовавшие настоящему моменту (и определившие его событийную специфику) бифуркации, казалось бы, смягчают ситуативную ответственность индивида за совершенные им в тот или иной момент поступки; однако ситуация нелинейности вполне определенно налагает на

⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С. 266.

субъекта ответственность за спровоцированные им флуктуации, а значит, и за определяемое ими будущее.

В сообщении «**Право в точке пересечения параллельных миров**» канд. юрид. наук, доцент **Юрий Евгеньевич Пермяков** (Самара) отметил, что преимущества методологических решений в современном правоведении не могут быть выявлены посредством описания самого метода и тем более посредством указания на его недавнее происхождение, т. е. новизну. Поэтому обоснование методологических преимуществ какой-либо концепции, равно как и ее критика, возможны лишь в том случае, когда ведется предметный разговор, иначе всякая аргументация теряет свои материальные основания.

В постклассической интерпретации правовая реальность не может заявить о себе иначе как в виде дискурса, неприятие которого, в свою очередь, также интерпретируется как специфическая дискурсивная практика. Тем не менее мысли о возвращении к реальности все чаще высказываются представителями философского сообщества. И одним из мотивов этих рассуждений выступает обретение мыслью во встрече с внешней средой статуса ответственного суждения.

Постмодернистская философия объявляет табу на критику философских оснований, что исключает не только посягательство какой-либо философской концепции на приоритет и господство, но и возможность широкого философского диалога: уведомление о ценностных предпочтениях критике не подлежит. Складывается впечатление, что философские системы, в рамках которых происходит становление методологических оснований для правовых исследований, сосуществуют в параллельных пространствах, по причине чего сомнительна сама надежда на заинтересованный диалог и философскую критику методологии: каждая из них может быть объектом критического взгляда лишь с тех позиций, которые положены в ее основание. В таком случае реализм юридической науки и сопряженная с ним предметность научной критики могут быть охарактеризованы как живая взаимосвязь права и юридической доктрины. Если ценность, содержание и эффективность права непосредственно зависят от степени и характера теоретического осмысления его природы, философия права обретает достоинство ответственного суждения. И напротив, безмолвие отечественной правовой теории, изысканной разновидностью которого следует признать предельно отвлеченные дискуссии о предмете иных наук и ценностях иных культур, оказывается несчастьем национальной государственности. Предоставленные сами себе, не интегрированные в единую цепь правовых норм, правовых решений и доктринальных суждений учреждения государственной власти и общество оказались в параллельных мирах, где не узнаются ни основополагающие принципы права, ни собственно право в том значении, о котором повествуют сторонники различных типов правопонимания. На этом политико-правовом фоне взаимное отчуждение права и государства должно оказаться в сфере внимания правовой науки.

Доктор юрид. наук, профессор **Владимир Петрович Шиенок** (Минск) в выступлении на тему «**Гуманистическая методология и вопросы пра-**

вопонимания» обратил внимание на то, что научный подход к правопониманию, гносеологии и аксиологии права обусловлен в конечном счете мировоззренческой позицией конкретных исследователей и их групп. Именно она предопределяет цель, задачи, гипотезу исследования, систему используемых методов и методик, что обуславливает конечный результат, которым в данном случае является правопонимание.

Далее докладчик кратко обозначил основные мировоззренческие идеи, составляющие суть концепции гуманистической методологии юриспруденции. Во-первых, ключевым элементом, делающим возможным существование права и государства, их первопричиной и главной доминантой является человек (общество). При отсутствии человека феномены права и государства просто теряют смысл. Во-вторых, понимание этих феноменов может быть плодотворным только при условии включения в предмет юриспруденции человека (и необходимых знаний о нем) как феномена природы. В настоящее время в юридической науке речь идет о неких абстрактных понятиях, отражающих статус человека (субъект, истец и т. д.), а не о нем самом, не о его сути, системообразующих элементах. В-третьих, принципиальным моментом с позиций гуманистической методологии является понимание человека в контексте идеи о единстве духовной и материальной сторон существования, т. е. души и тела. В. П. Шиенок полагает, что очень важно в этом плане возвращение категории «душа человека» в качестве объекта исследования светской науки. В-четвертых, природой души, а также действием универсального закона причинно-следственных связей обусловлено существование такого феномена, как судьба, в той или иной степени предопределяющего жизнь каждого индивида. В-пятых, человек, как и весь окружающий его мир, являет собой энергетическое образование, состоит из вибраций. Любой вид энергии — это вибрации. В-шестых, существует общая для всех людей стратегическая цель (смысл) жизни, достижению которой должны способствовать право и государство. В-седьмых, основное назначение права заключается в регулировании поведения людей, а не общественных отношений, как это принято считать в настоящее время.

Следствие вышеназванных, а также иных идей гуманистической методологии — понимание права в качестве комплексной категории, включающей в себя два основных компонента: 1) человека с его индивидуальными представлениями о праве (сознательный и бессознательный уровни); 2) действующее законодательство, а также иные установленные конкретным государством источники правовых норм (судебный прецедент и др.). Таким образом, полагает докладчик, предлагаемая им гуманистическая методология юриспруденции в своей основе должна исходить из концепции человеческой души.

После доклада В. П. Шиенка поступили многочисленные вопросы, которые перешли в дискуссию.

Рассуждая на тему **«Проблема предельных оснований права: взаимодополнительность нормативизма и юридической социологии»**, д-р юрид. наук, профессор **Сергей Петрович Рабинович** (Львов) отметил,

что в истории правовой мысли проблема оснований регулятивных свойств права принимает форму вопросов о соотношении между правом и силой, между легальностью права и его легитимностью, между принуждением, основанным на норме права, и противоправным принуждением и др.; все эти вопросы в конечном счете касаются поиска «предельного основания» существующего правопорядка и рационально-логического обоснования его обязательности. Одним из наиболее дискуссионных аспектов этой проблемы является вопрос о связи и соотношении идеальных и эмпирических характеристик права — «действительности» и «действенности».

В юридическом позитивизме XX в. наиболее последовательная попытка обосновать обязывающую силу юридических норм была предложена в нормологической концепции Г. Кельзена. Основатель нормативизма пытается разграничить значение юридических и социальных факторов как соответственно детерминирующих с логической необходимостью и лишь обуславливающих действие конституции извне. И хотя характер обоих факторов качественно различается, роль эмпирической реальности для признания нормы действующей оказывается здесь отнюдь не меньшей, чем роль идеальной юридико-нормативной реальности. Подход, ставящий признак действительности нормы в зависимость от ее «минимальной действительности», подчиняет юридическую догматику социологии права. Необходимость ответа на вопрос о действии конституции после совершения конституционной революции вынуждает к методологическому компромиссу, при котором «чистоту» правоведения, которое было бы основано исключительно на формальной юридической логике, сохранить невозможно.

Если вопрос об основаниях действительности отдельных норм права имеет внутрисистемный логико-юридический характер, то вопрос о предельном основании действительности всей системы права побуждает к поиску уже внеюридических, социальных факторов. Поэтому представляется закономерным обращение как Г. Кельзена, так и Г. Харта к эмпирико-социологическому подходу. Осознавая недостаточность формально-последовательных нормологических объяснительных моделей, легистский позитивизм, желающий удержать связь с эмпирической реальностью, вынужден прибегнуть к услугам социологической юриспруденции. Последняя же, со своей стороны, в ряде случаев также может испытывать определенную потребность в обращении к условной юридической реальности легизма — по меньшей мере тогда, когда обращает внимание на связь между фактической деятельностью судов и нормами, содержащимися в официальном правопорядке.

Выступление д-ра юрид. наук, профессора **Владимира Михайловича Хомича** (Минск) на тему **«Безуспешный, хотя и душевно интригующий “методологический” анализ вины в национальной юриспруденции»** представляло собой критический отклик на научную публикацию профессора В. П. Шиенка о понятии вины в уголовном праве. В своих работах В. П. Шиенок предложил пересмотреть содержание такой концептуальной правовой категории, как вина, с позиции разрабатываемой им

гуманистической методологии. Например, ученый предлагает рассматривать психическое отношение (вину) как реакцию души конкретного индивида, проявляемую через призму совести, в виде тех или иных вибраций, эмоций, мыслей, действий на деяния тела.

Как отметил В. М. Хомич, в отечественной (белорусской) и зарубежной доктринах уголовного права (классической и постклассической) сущность и обоснование вины всегда определялись и определяются на основе психологической природы вины. Точнее, с одной стороны, на основе социальных компонентов состояния психики человека и их инвариантности — способности порождать или быть причиной отклонений поведения человека от требуемых социальных стандартов, а с другой — на основе психологической возможности не допускать таких отклонений. Психологическая концепция вины исходит из сложной биосоциальной природы человека. Суть концепции в том, что она обращена к психике человека как разумного творения, обладающего интеллектуально воспроизводящим (формирующим) и интеллектуально преобразующим сознанием, которое влияет на физическую и социальную реальность, в том числе на его собственное существование. Сущность и обоснование вины в рамках психологической концепции усматриваются в особых свойствах и способностях психики человека — наличии механизма психологической мотивации выбора и управления своим поведением с учетом личностной свободы действовать по своему усмотрению. Таким образом, вина как феномен социальной реальности и субъективное основание ретроспективной ответственности в ракурсе психологической концепции появляется только тогда, когда, во-первых, имело место правонарушающее деяние; во-вторых, лицо в этом деянии проявило или имело возможность проявить сознание как результат деяния правонарушающего (социально небезопасного); в-третьих, это деяние состояло в определенном контролируемом самим человеком соотношении его самого и его сознания (психическая работа), а также в хотении или воле того, кто совершает правонарушение.

Уголовно-правовая доктрина, законодательство и правоприменительная практика абсолютного большинства государств в установлении вины исходят из ее концептуально психологической природы. По мнению докладчика, поэтому нет никаких оснований что-то менять в методологии уголовно-правовой юриспруденции. Если подходить к рассматриваемой проблеме строго научно, то развитие и обновление правовых систем постсоветских государств за последние тридцать лет подтвердили в индивидуальном и общественном сознании психологическую устойчивость данной концепции, ее гуманистическую исходную сущность, в центре которой — разумный человек.

Доктор юрид. наук, доцент **Людмила Ивановна Глухарева** (Москва) выступила с сообщением **«Эстетико-правовой метод познания права»** и обратила внимание на значение эстетического метода в правовой методологии, который с теоретической точки зрения позволяет расширять пределы представлений о праве, а с точки зрения юридической деятельности — оценивать профессиональное мастерство юристов. Об эстетике

в праве, утверждает автор, приходится говорить потому, что она не имеет самостоятельного и изолированного пространства существования, пронизывает все сферы жизни, в том числе право. В связи с этим эстетическая интерпретация позволяет, во-первых, представить какое-либо правовое явление (понятие) или право в целом с позиции интеллектуальной красоты и приближения последних к идеалу. Красота как важнейший методологический принцип современного научного познания означает адекватность формы/содержания понятия и заложенной в нем идеи (т.е. того, что нравится, интуитивно или рационально приносит профессиональное удовлетворение). Все правовые понятия и конструкции, а также юридические тексты и действия имеют эстетическую размерность, формируются на основе эстетических ценностей и выводятся из них (например, таких как простота, правильность, мера, симметрия, гармония, порядок и др.). Во-вторых, эстетический метод позволяет воспроизвести правовые понятия в форме выразительных образов, которые не только украшают речь («красное словцо»), но и обладают риторической и доказательственной силой. Образы упрощают, схематизируют и одновременно уплотняют информацию, заменяют пространные и длинные логические описания, строятся на ассоциациях и парадоксальности мышления. Они как бы схватывают явления (процессы) в их наглядности, целостности и зрелищности и тем самым организуют представление о предмете как бы мгновенно (например, «антисептическое право», «факты дают делу электрическое освещение», «право — не автомойка» и пр.). Применение эстетико-правового метода активизирует не только интеллектуальные, но и эмоционально-чувственные процессы познания права, ориентирует юристов на деятельность по законам красоты, на совершенствование своих понятий и конструкций права, а выразительные образы облегчают юридическую коммуникацию, усложненную, как известно, большим количеством абстракций и специфических смыслов. Эстетический метод развивает профессиональный вкус юристов, нацеливает на творчество и мастерство, а правовая система, построенная и действующая по законам красоты, сильнее влияет на чувства и волю людей, получает в глазах населения особую притягательность, способствует авторитету и следованию установке на исполнение правовых предписаний. Эстетическое познание и эстетические оценки подтверждают, что право есть не только технология, но и культура.

В докладе на тему «**Локальное правовое регулирование**» д-р юрид. наук, профессор **Валентина Николаевна Бибилло** (Минск) отметила, что в содержание локальной правовой политики привносится весь комплекс позитивного права, в процессе реализации которого происходит его наполнение, обогащение всей системой социальных норм, присущих обществу на соответствующем этапе его развития и усвоенных конкретными индивидами.

Докладчик подчеркнула, что локальный правовой акт должен быть легитимным, т.е. восприниматься коллективом людей как правомерный. Для этого он должен пройти путь легитимации, своего рода установленный процесс его подготовки и принятия, иначе лица, отстраненные от этого

процесса, не станут признавать такой акт легитимным, что чревато негативными явлениями в коллективе.

В связи с этим интересен вопрос о реанимировании в Беларуси общественных судов, которые в свое время сыграли важную роль в укреплении законности и правопорядка в государстве. Законодательство об общественных судах (товарищеских, сельских, местечковых и т. п.) было достаточно детализированным и исходило от высших органов законодательной и исполнительной власти. В отличие от государственных судов, сфера деятельности общественных судов — гражданское общество. Желательно, чтобы было принято Типовое положение об общественных судах, которое послужило бы ориентиром для принятия локального нормативного акта об общественных судах в тех коллективах, которые пожелают функционирование таких судов.

В правовом государстве, где есть большой простор для реализации индивидуальной свободы человека, то или иное сообщество людей, образующих коллектив, может выработать такие нормы поведения, которые будут авторитетными для этих людей. Локальное регулирование способно оказать позитивное воздействие на конкретного человека и коллектив в целом.

В любом нормативном правовом акте закрепляется право в чистом виде, хотя и учитывается влияние на него всей системы иных социальных норм. Однако на стадии его реализации подключается весь комплекс социальных норм, сопровождающих данное сообщество людей, проявляющийся в деятельности каждого человека. Наиболее наглядно данное явление присуще локальному правовому регулированию, поскольку в нем в наибольшей мере сочетаются ментальные и социальные параметры легитимации.

Кандидат юрид. наук **Алексей Вячеславович Стомба** (Харьков) в докладе на тему «**Динамическое правопонимание**» отметил, что анализ современных подходов к пониманию права дает основания предположить, что, несмотря на их различия и нюансы, их возможно объединить под общим названием «динамического правопонимания» в той мере, в какой для них всех характерно осмысление права как подвижного, изменчивого, процессуального по своей сути феномена. Динамичность в данном случае следует трактовать как попытку понять, почему то или иное сущее является правовым, тогда как оно могло бы быть и иным (противоправным, внеправовым и т. д.) или не существовать вообще.

Фундаментальная черта всех перечисленных докладчиком современных подходов — убежденность их авторов в том, что существование права вовсе не априорная аксиома. Ведь вполне может случиться так, что права может и не быть — не существовать, не случиться. Тем самым можно сделать вывод о том, что право, согласно представлениям упомянутых докладчиком современных правоведов, существует не континуально (как идея, закон, основная норма), а дискретно, воспроизводясь в ходе отношений между людьми.

Анализ различных подходов к динамическому правопониманию позволяет выделить его особенности.

Во-первых, это отказ от представлений о праве как феномене, который априорно наделен абсолютным бытием, т. е. он не может не существовать, а может быть лишь нарушен. В отличие от этого динамическое правопонимание тяготеет к осмыслению права как динамического феномена (диалога, коммуникации, бытия и т. д.), не существующая в пространстве и времени непрерывно (континуально), но воспроизводясь в ходе человеческой деятельности, т. е. существуя дискретно.

Во-вторых, в результате отказа от трактовки права исключительно как Должного, наделенного абсолютным (континуальным) бытием (идеи, нормы и т. п.), и перехода к пониманию права как дискретного (воспроизводящегося), динамического, подвижного образования (происшествия, коммуникации, дискурса) динамическое правопонимание преодолевает дихотомию сущего и Должного в праве.

В-третьих, для динамического правопонимания характерно рассмотрение права как социального явления, поиск онтологических истоков права во внешних по отношению к нему феноменах, прежде всего в совместном существовании людей.

В-четвертых, поскольку право как происшествие его воспроизводства может происходить не само по себе, а лишь посредством людей, еще одним признаком динамического правопонимания является акцент на «человекомерности» права, на том, что право не может существовать вне отношений между людьми.

В-пятых, вследствие отказа от реификации права и рассмотрения его как дискретного явления, которое онтологически укоренено в процессах диалога, коммуникации, событийности и пр., методологическая особенность динамического правопонимания заключается в стремлении описать закономерности тех процессов, в ходе которых воспроизводится право, — правового происшествия (А. В. Стомба), правового диалога (И. Л. Честнов), правовой коммуникации (А. В. Поляков) и т. д.

Таким образом, как отметил докладчик, динамическое правопонимание может быть вписано в контекст мировой философско-правовой мысли XX–XXI вв., поскольку оно вобрало в себя ряд идей и тенденций не только зарубежной, но и отечественной философии права.

В выступлении **«Анализ языка и объяснение правовых понятий: философско-лингвистическая методология Г. Харта»** канд. юрид. наук, доцент **Сергей Николаевич Касаткин** (Самара) отталкивается от проблемы языка в методологии юриспруденции и значимости для нее идей «лингвистического поворота» в философии XX столетия. Это, в частности, обуславливает интерес к учению Г. Л. А. Харта, который предлагает объяснение ключевых правовых понятий на основе философско-лингвистического анализа, центрирующего исследование языка (реальных речевых практик сообщества) как способ избавления философии от заблуждений и как более надежный базис теории. В этом контексте Харт выдвигает свой проект аналитической юриспруденции, нацеленной на исследование

наличных языковых игр, охват их множественности, разнородности, неопределенности и т. п., экспликацию содержащихся здесь смысловых связей и разграничений, на восприятие последних как своеобразной точки отсчета и критерия проверки теоретических утверждений.

Г. Л. А. Харт эксплицирует особенности юридического языка — его нормативно-институциональную, аскриптивную природу, а также открытость и логическую неунифицированность. Таковые, по его мнению, не ухватываются (распространенной в юриспруденции) логико-дескриптивной философией языка и методом определения *per genus et differentiam* (лат. при помощи рода и видового различия). Предлагаемая философом альтернатива — объяснение правовых понятий в составе характерных целостных предложений, при котором производятся: 1) рефлексия и систематизация речевого контекста их употребления (оснований их истинности, уместности), 2) экспликация их цели (особой, первичной речевой функции). Именно этот метод применяется Хартом для объяснения целого ряда правовых терминов, феномена юридических перформативов, а также в объяснении понятия права.

Будучи значимым, методологический проект Харта содержит ряд сложностей, темных мест: 1) отсутствие четких критериев истинности собственных концептуальных построений (выступает ли в этом качестве обыденный язык? юридический язык? что-то еще?); 2) «напряжение» между опорой концепции Харта на реальное словоупотребление и ее претензией на универсальный статус (если базой теории выступают языковые практики и «интуиции» конкретного сообщества, где гарантии их применимости за ее пределами?); 3) общая состоятельность философского проекта «лингвистической феноменологии» или «дескриптивной социологии» права (в какой мере язык обеспечивает надежный доступ к миру, является ключом к его постижению?).

Приверженность исследователя к определенному типу правопонимания, по мнению канд. юрид. наук, доцента **Юрия Юрьевича Ветютнева** (Волгоград), выступившего с докладом «**Аксиологическая детерминация правопонимания**», зависит от влияния многих факторов как объективного, так и субъективного свойства: личный биографический опыт, условия жизни, даже случайности и др. Однако, полагает ученый, основным критерием выбора является аксиологический. Не существует ценностно нейтральных вариантов правопонимания. И даже Г. Кельзен, декларировавший, что научное мышление должно быть свободно от ценностей, фактически этого не избежал, так как, по его словам, вся теория направлена на прогресс науки, т. е. в основе чистого учения о праве лежит вполне конкретный ценностный выбор в пользу прогресса науки — корпоративных ценностей научного сообщества. Очень часто бывает так, что в основе этого выбора, переключения на тот или иной тип правопонимания лежит более базовая, более фундаментальная ценностная дифференциация «хорошо — плохо». В опыте человека право связывается либо с благом, либо со злом. Если право в опыте человека связано с благом, то оно становится сосредоточением позитивных ценностей: свободы, справедливости, ра-

венства. Право мыслится как некий ценностный идеал, как нечто априори ценностно-позитивное. Однако такое же право на жизнь имеет вариант правопонимания, основанный на отрицательном ценностном значении права. Здесь можно привести в пример биографию Льва Толстого, когда личный опыт человека детерминирует его изначально резко негативное отношение к праву и позволяет сделать вывод о том, что право — это когда насилие соединяется с ложью.

Существенное обстоятельство, непосредственно влияющее на правопонимание, состоит еще в том, что сегодня происходит резкое ослабление интереса к самому вопросу об идее права, его истокам за рамками юридической корпорации. Так, в первую очередь философы И. Кант или В. Соловьев писали трактаты о праве, признанные юристами, в наше же время практически все классики правовой мысли — это только юристы. «Философствование» о правопонимании становится внутренним делом исключительно юридического сообщества. И в связи с этим очень важен еще один ценностный фактор: самостоятельной ценностной опорой правопонимания становится идея юридической корпорации, ее самосохранения и благополучия. Таким образом, правопонимание — это не только отражение реальности, но и способ организации опыта в соответствии с ценностными предпочтениями, в числе которых ценность традиции и ценность корпорации.

Кандидат юрид. наук, доцент **Евгений Никандрович Тонков** (Санкт-Петербург) в докладе «**Социалистический правовой реализм в XXI веке**» указывает на сложившиеся в постреволюционной России и продолжающие действовать по настоящее время законодательную и правоприменительную доктрины, согласно которым декларативные нормы справедливого порядка нередко не совпадают с юридической практикой. К особенностям социалистического правового реализма в XXI в., по мнению докладчика, можно отнести: правовой нигилизм как норму деятельности; трансформацию понимания профессионального долга в направлении цеховой солидарности правоохранительно-судебного блока и ряд других особенностей.

По мнению Е. Н. Тонкова, государство в реалистическом дискурсе следует рассматривать как форму управления населением на определенной территории. В современном государстве нередко у граждан отсутствует возможность целенаправленно и конструктивно влиять на принятие решений субъектами публичной власти, что обусловлено специфическими особенностями современной государственности.

Обращаясь к историческим предпосылкам возникновения правового реализма как концепции, Е. Н. Тонков отмечает его интенсивное развитие в первой половине XX в. и сходство черт правовых культур Северной Америки, Скандинавских стран и Советского Союза в период между Первой и Второй мировыми войнами. Как отметил докладчик, развивались по крайней мере три общих направления: доминирующее значение правовой доктрины (в неодинаковых вариантах), сильная зависимость юриспруденции от неюристов, прагматизм юридических методов.

Доклад Е. Н. Тонкова завершился оживленной дискуссией.

Выступая на тему «**Правовая культура и глобализация**», канд. юрид. наук, доцент **Елена Валентиновна Семашко** (Минск) обозначила три основных методологических подхода к определению правовой культуры и пришла к выводу, что объединяет их восприятие правовой культуры как категории, искусственно выведенной в качестве критерия оценки или характеристики правового состояния общественной жизни.

Основная трансформация содержания правовой культуры в глобализирующемся мире связана с тем, что один тип культуры пытается стать универсальным, и это влечет за собой столкновение локальных правовых культур. Для того чтобы выяснить механизм и последствия данных трансформаций, докладчик затронула типы национальных правовых культур (восточный и западный), которые сформировались исторически и пытаются «противостоять» глобализации.

В качестве положительного последствия глобализации в докладе была отмечена популяризация таких западноевропейских ценностей, как свобода, равенство, жизнь и здоровье личности, легитимация всех общественных процессов. Последствия негативного характера — это распространение агрессивных реакций иных типов правовых культур на вторжение ценностей Запада, на европеизацию быта, общества и жизненного уклада.

Наличие глобализационных процессов как уже состоявшейся объективной реальности заставляет сегодня не обсуждать необходимость глобализации, а сосредоточиться на поиске способов минимизации негативных последствий ее воздействия на развитие правовых культур. Международной правовой политике необходимо отказываться от практики применения двойных стандартов в отношении разных по правовой культуре государств, а международному праву — повышать свой авторитет и ценность в качестве инструмента нейтрализации негативных последствий глобализации прежде всего посредством развития равноправного поликультурного международного регулирования.

Кандидат юрид. наук, доцент **Сергей Артурович Калинин** (Минск) представил доклад на тему «**Субъектная потребность как источник преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: исходные положения**». Ученый отметил, что одной из тенденций развития современной юриспруденции является актуализация теоретико-методологической проблематики, состояние которой обоснованно характеризуется как концептуально-методологический кризис гуманитарного знания. Следствием данной проблемы выступает и кризис государственности — неспособность государств решать возложенные на них задачи, актуализация сложных процессов диффузии и упадка публичной власти. В свою очередь, современный этап развития общества позволяет акцентировать внимание на объективном стремлении субъектов к преобразованию мироустройства на основе имеющегося ограничения целей, интересов и футурологических ожиданий. Именно наличие футурологических ожиданий, трансформируемых в определенные модели преобразования мира (субъектная потребность), позволяет субъекту выступать заказчиком и по-

требителем перспективных и обладающих прогностической ценностью макроуровневых сложных и комплексных концептуально-методологических подходов, выступающих основой инновационных, парадоксальных, нелинейных и многофакторных решений, относящихся к большой стратегии, включающей государство и право.

Рассмотрение методологических проблем через субъектную потребность объективно обуславливает такие направления трансформации предмета юриспруденции, как: 1) осмысление государства и права в качестве составных элементов внешних (как правило, глобальных) феноменов более высокого уровня абстракции, которые часто находятся вне предмета юриспруденции, но путем активного воздействия обуславливают его изменение и трансформацию; 2) использование предельной категории «мир-система» для синтеза вышеназванных аналитически разделенных феноменов; 3) учет уникальных параметров и аттракторов конкретной государственности в контексте общих закономерностей социального развития; 4) признание первичности государства как самоорганизуемого субъекта; включение в предмет исследования роли государства (навязываемой либо желаемой) в мир-системе, а также действий, направленных на достижение субъектных целей; понимание (в этом контексте) вторичности и инструментальности права как саморегулируемой системы социальной регламентации, выступающей одной из форм субъектной самоорганизации.

Уникальными параметрами для любой государственности выступают: мировоззрение, представленное совокупностью взаимообусловленных феноменов (антропология, аксиология, историософия, (гео)культура и т. д.), отражающее представления о надлежащих либо ненадлежащих моделях публично-правового регулирования и задающее направленность преобразования реальности; конкретная ситуация («вызов» — в терминах А. Тойнби); условия объективной реальности, в которых осуществляется бытие субъекта (географическое положение, климат, ресурсы, биосфера и т. д.). В частности, современное нестабильное состояние биосферы, вызванное ее неспособностью нейтрализовывать возросшие антропогенные воздействия (глобальный экологический кризис), ограничивает развитие цивилизации, требуя смены ценностной парадигмы и решения междисциплинарных сверхзадач, имеющих и политико-правовое измерение, либо решения проблем за счет иных регионов, например, путем сокращения населения. Закономерными факторами являются уровень и модель развития экономики и социума, включая технологический уклад, способ присвоения, производства и распределения.

С докладом на тему **«Методологические особенности понимания юридической практики в антропологической концепции права»** выступил канд. юрид. наук, доцент **Вадим Иванович Павлов** (Минск). Он отметил, что основная особенность подхода к юридической практике в рамках антропологической концепции права заключается в том, что на первое место здесь выходят не столько институциональные правовые образования, в частности заданная система законодательства, система правовых отношений, определенный правовой порядок и т. п., сколько

человекомерные, жизненно конкретные характеристики юридического, на фоне которых эти институциональные образования уже разворачиваются и существуют. В самом общем виде юридическая дискурсивная практика — это совокупность языковых практик и связанного с ними юридически значимого поведения, формирующих представление о правовой реальности, саму эту реальность и определяющего способы работы с этой реальностью.

Как отметил докладчик, понятие юридической дискурсивной практики позволяет не только сместить акцент в понимании осуществления права с нормы права на правовое существование человека в правовой реальности, но и обратить внимание на ряд явлений в правовой реальности, которые обычно не подвергаются исследованию в классическом юридическом дискурсе и не учитываются в традиционном учении о юридической практике. Речь идет о структуре юридической дискурсивной практики, которая может быть рассмотрена в совокупности следующих структурных элементов: 1) практики языка юридической рациональности; 2) сопровождающего ее юридически значимого поведения; 3) человека в праве; 4) нормативности права.

Под практикой языка юридической рациональности понимается сложившийся и господствующий в той или иной области правореализации, в той или иной сфере юридической деятельности либо даже в определенном органе, подразделении тип отношения к нормативности, который имеет свои основания не в формально-юридическом, а в текстовом (языковом) выражении, нередко выявляющемся посредством особого слоя юридического контекста. Этот слой юридического контекста состоит из высказываний, образа действий, восприятий, вскрытия руководящих установок, подразумеваемых, «обычно принятого», организационных, рекомендационных, координирующих и иных действий, имеющих ненормативную природу, — т. е. из всего того, что не поддается формально-юридической фиксации, однако, как правило, является обязательным сопровождением нормативности права и выступает значимым фактором юридической деятельности.

Юридически значимое поведение как форма сопровождения языковых практик представляет собой конкретные действия (бездействие), обеспечивающие воплощение языка юридической рациональности по поводу юридически значимой ситуации, подлежащей разрешению. Юридически значимое поведение как форма сопровождения языковых практик может быть двух видов: непосредственно не связанное с нормативностью права и непосредственно связанное с нормативностью права.

Человек в праве в контексте юридической практики обозначает физическое лицо, которое, выполняя ту или иную нормативную функцию, статус, роль, т. е. позицию субъекта права, воплощает через эту роль господствующий язык юридической рациональности в конкретной юридически значимой ситуации, им разрешаемой. Иными словами, человек в праве выступает носителем, а также активным агентом формирования и реализации языка юридической рациональности.

Нормативность в контексте юридической дискурсивной практики рассматривается как объект активного воздействия со стороны человека в праве и, по сути, параллельно существующее, нередко однопорядковое и даже иногда конкурирующее по своей регулятивной значимости правовое явление наряду с господствующим языком юридической рациональности.

Таким образом, анализ вышеуказанных структурных элементов юридической дискурсивной практики — практик языка юридической рациональности, сопровождающего их юридически значимого поведения, человека в праве и нормативности права — показывает, что основное значение исследования практического осуществления права через дискурсивные практики заключается в выявлении не только формально-юридической, но и фактической стороны права, а также параметров его осуществления, ускользающих из-под традиционного понимания юридической практики как отражения нормативной системы права.

Выступая с докладом на тему «**Понятия права и свободы в контексте правопонимания классического евразийства**», канд. юрид. наук, доцент **Булат Венерович Назмутдинов** (Москва), исследователь евразийства — одного из ключевых направлений философской мысли России прошлого века, в основе которого лежит идея уникальности России — Евразии (Россия — не Запад и не Восток), отметил, что в отличие от юридических позитивистов евразийцы пытались увидеть в праве метаюридическое основание. Они стремились сформулировать определение понятия права, которое соответствовало бы их концепции идеократии (правления идеи, власти идеологов) как государства внутренней правды. Возникла концепция подчиненного права, где право подчинено не государству или иным социальным образованиям, но метафизическим принципам. Уровню эйдосов (в терминах основателя евразийства П. Савицкого — «организационных идей»), обладающих особым онтологическим статусом, соответствует в плоскости обыденного существования уровень представлений — рассудочного, незмоционального восприятия идей и ценностей. Этому уровню представлений и соответствует право: таково мнение евразийцев, следовавших здесь за Платоном. Право представлялось открытой системой, не имеющей абсолютно самодостаточного основания.

Одной из ключевых проблем философии права является оправдание существования свободы в отношениях между людьми. Философия свободы у евразийцев в большей степени занята не поиском формальной границы свободы, а, скорее, определением содержания свободы, связанным с православием и новыми интерпретациями греческой философии. Многими евразийцами свобода понималась как долг действовать исходя из православной религии, основ социального целого, важнейших ценностей, признаваемых человеком, а не как отсутствие принуждения или простая манифестация своей воли.

Обобщая правовые идеи евразийцев, следует отметить в целом их причастность различным традициям российской общественной мысли. Евразийское различие «правды» и «права» наследует славянофильскую традицию разделения закона внутреннего и внешнего, появившуюся бла-

годаря А. С. Хомякову, чьи идеи, в свою очередь, отсылают к проблематике «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Философско-правовые идеи Н. Н. Алексеева кроме зарубежных, преимущественно немецких теорий, испытали влияние психологической теории Л. И. Петражицкого, идей П. С. Новгородцева.

Важным было влияние на евразийцев и западноевропейских идей. Евразийцы также испытывали влияние кантианского различения права и нравственности, вписывая его при этом в весьма своеобразный контекст. Л. П. Карсавин спроецировал на область права учение о всеединстве (*Alleinheit*), предложенное немецкими философами и развитое в России В. С. Соловьевым. При этом общим устремлением евразийцев был отказ от индивидуалистических трактовок права, признания незыблемости концепции прав человека, при этом особо подчеркивалось религиозное обоснование правового идеала.

Выступление на тему **«Семиотический подход к пониманию права и методологический потенциал его влияния на развитие юриспруденции»** канд. юрид. наук, доцент **Наталья Францевна Ковкель** (Минск) начала с констатации того, что среди современных подходов к пониманию права семиотический является одним из наименее разработанных. Формирование семиотики права началось в 1970–90-е гг. В современной юриспруденции наиболее известные научные направления в этой области — пирсеанское и структуралистское, возникшие на основе логико-математического и лингвистического направлений, по которым первоначально развивалась общая семиотика.

Для развития семиотики права и разработки семиотического подхода к пониманию права перспективны следующие концепты: правовой знак, правовая знаковая система, базисный знак правовой знаковой системы, правовая семиосфера и правовой семиозис. Правовой знак может быть определен как то, что обозначает или кодирует объекты правовой реальности (материальной или идеальной) в целях их описания, нахождения или для обработки и получения новой правовой информации. Под правовой знаковой системой следует понимать совокупность правовых знаков, функционирующих в соответствии с правилами, приданными или имманентно присущими данной системе. Под базисным знаком правовой знаковой системы — знак, который превалирует в данной системе и обуславливает уровень ее абстракции и знаковых трансформаций. В семиотической перспективе право может быть рассмотрено как сложный конгломерат знаков и знаковых систем, который, в отличие от модернистской модели пирамиды норм в концепции Г. Кельзена, является многоуровневым, но не иерархичным.

Наряду с семантическим анализом семиотический подход к пониманию права предполагает синтаксический анализ взаимосвязи различных правовых знаков внутри отдельных знаковых систем и между ними. Так, каждая знаковая система обладает основными характеристиками: базисными и производными знаками, функциональными элементами системы, метаязыком системы, логиками оперирования системой, системой записи

правил и операций знаковой системы, а также возможностью верификации промежуточных и окончательных результатов работы с системой.

Особое значение для развития семиотического подхода к пониманию права и переориентации семиотики права со сциентистской парадигмы на исследование индивидуального и социального измерений процессов порождения, передачи и интерпретации правовых знаков имеют концепты правовой семиосферы и правового семиозиса. Концепт правовой семиосферы может быть определен как континуум, в котором функционируют правовые знаки и знаковые системы, реализуются правовые коммуникативные процессы, создается правовая информация. Правовой семиосфере как элементу глобальной семиосферы присущи следующие признаки: отграниченность от внесемиотического или иносемиотического пространства, неравномерность организации (наличие ядерных структур и периферии), несинхронность развития различных участков, пространственная «симметрия — асимметрия». Концепт правового семиозиса может быть определен как деятельность, связанная с созданием и функционированием правовых знаков и знаковых систем. Данным концептом охватываются все виды правовой деятельности — от правотворческой до правореализационной. При этом их анализ должен исходить из особой семиотической модели правовой коммуникации. Представляется, что элементами такой модели являются: адресант (отправитель) правового знака; адресат (получатель) правового знака; правовой знак (совокупность знаков); коды (языки) адресанта и адресата; контексты, в которых создается и интерпретируется правовой знак (совокупность знаков); коммуникативный канал; тематическое поле; коммуникативная компетенция адресанта и адресата. На основании данной модели могут быть построены и иные семиотические конструкции правовой деятельности: правотворческие, правосистематизационные, правоинтерпретационные, правоприменительные и др.

По мнению канд. юрид. наук, доцента **Анатолия Леонидовича Савенка** (Минск), выступавшего с докладом на тему «**Проблемы права: реальные и мнимые**», в современной общетеоретической правовой науке сложилась ситуация отсутствия четко сформулированного перечня реальных, а не мнимых проблем, подлежащих первоочередному решению, что, в свою очередь, ведет к распылению интеллектуальных ресурсов ученых-правоведов, утрате актуальности, теоретической и практической значимости проводимых исследований. Та же теория права, по мнению автора, по целому ряду векторов выходит за рамки своего предмета и превращается в науку с высокой степенью абстракции, в некотором смысле пытаясь конкурировать с философией права. Это приводит к тому, что теория права замыкается на саму себя. По мнению же ученого, теория права как наука должна содействовать конкретным отраслям права в решении насущных проблем. В качестве иллюстрации А. Л. Савенок приводит проблему правопонимания, решение которой автор видит в переводе дискуссии из плоскости теоретических рассуждений в плоскость практического применения. Иными словами, решающим фактором жизнеспособности той

или иной научной теории является не безукоризненность теоретических формулировок, а ее способность быть востребованной отраслевыми науками, формирующими конкретные отрасли законодательства.

Выход из сложившегося положения дел видится в координации усилий юристов путем определения актуальных направлений на уровне и отдельных отраслей, и теории права. Автор считает целесообразным осуществлять исследования по разработке: 1) приоритетных направлений самой юридической науки (внутренний аспект права); 2) способов преодоления с помощью права тех проблем, которые несут реальную угрозу существования человека (внешний аспект права). Такой подход позволит объединить усилия ученых, тем самым повысить качество исследований (в том числе диссертационных), а также реально оценить эффективность работы, исходя из полученного результата. В целом исследования по разработке приоритетных направлений юридической науки должны показать свою практическую значимость по решению актуальных проблем существования человека. Уже сейчас можно выделить две проблемы, решение которых будет иметь огромное значение для юридической науки и правоприменительной практики: проблему правопонимания и проблему эффективности права.

В каждой отрасли права предлагается сформировать перечень приоритетных направлений, подлежащих исследованию. Так, в области уголовного права нуждаются в серьезном осмыслении проблемы: 1) объекта уголовно-правовой охраны; 2) общественной опасности; 3) вины. Как уже отмечалось, решение этих теоретических проблем должно быть тесно связано с теорией права и глобальными проблемами современности. Целенаправленная работа по этим направлениям позволит не только учитывать текущие потребности юридической практики, но и действовать на перспективу.

Кандидат юрид. наук, доцент **Валерия Валерьяновна Седельник** (Гродно) в выступлении «**Принцип определенности в актах Конституционного Суда Республики Беларусь**», рассуждая о принципе правовой определенности, отмечает, что в юридической науке практически не оспаривается тот факт, что в принципах права выражены наиболее существенные, устойчивые связи, выступающие своего рода основой, на которой строятся нормы, институты, подотрасли и отрасли права, однако их содержание вызывает дискуссии в научных кругах. Особый интерес в этом плане представляет собой принцип (правовой) определенности.

Анализ новейших исследований показывает очень широкий спектр качеств закона и правового регулирования как разновидности социального нормирования: например, обязательное опубликование закона, установление предельных сроков его оспаривания в Конституционном Суде, ограничение пересмотра и отмены закона, понимание определенности в качестве конституционной ценности и т. д. Докладчик отмечает, что границы определенности современной научной мыслью понимаются достаточно широко.

Пролить свет на содержание данного принципа позволяет анализ актов Конституционного Суда Республики Беларусь. Так, правовая определенность вытекает непосредственно из закрепленного Конституцией принципа верховенства права и предполагает, по мнению Суда, ясность, точность, непротиворечивость, логическую согласованность правовых норм. Соблюдение данного принципа упреждает неоднозначное понимание юридических норм, а следовательно, и неверное их применение, которое может повлечь нарушение прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Полагаем, не вызывает сомнения тот факт, что законодатель всегда должен добиваться, чтобы используемая им терминология была предельно точно понята правоприменителем. Проблемы юридической терминологии, ее разработка, использование и совершенствование — важнейшие составляющие правотворческой и правоприменительной деятельности. Кроме того, принцип правовой определенности не сводится к наличию ясных, однозначных, точных юридических понятий и правил, он связан и с их отсутствием, т. е. с пробелами в правовом регулировании.

Достижение правовой определенности включает и выявление пробелов в нормах права, и устранение различного рода коллизий, несогласованностей и противоречий, которые в известном смысле выступают неизбежным спутником активной правотворческой деятельности.

Решения Конституционного Суда, в которых установлены недостатки нормативного правового регулирования в виде пробелов, правовой неопределенности, коллизий, реализуются во внесении изменений и дополнений в действующее законодательство.

Таким образом, процесс выведения и обоснования принципов права представляет собой сложную познавательную задачу, которая не может быть решена раз и навсегда. Однако уже сегодня можно утверждать, что принцип правовой определенности, во-первых, имеет многоаспектный характер; во-вторых, предполагает полноту, комплексность и конкретность правового регулирования; в-третьих, обуславливает ясность, точность норм права и единство их терминологии; в-четвертых, требует устранения пробелов, коллизий и противоречий.

Кандидат юрид. наук, доцент **Валерий Чеславович Родевич** (Минск) выступил с докладом **«Методологические решения в развитии оперативно-розыскной науки»**, в котором отметил, что в поисках методологии оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) критерием истины является подход, направленный на решение теоретических и практических задач. Существует пробел в обобщенной системе взглядов теоретического и прикладного свойства, отражающих в своей совокупности основные начала методологии ОРД.

Анализ проблем оперативно-розыскной практики поворачивает нас к человеку в ОРД — людям, выступающим в данном виде деятельности основным и связующим звеном всех происходящих в ней процессов. С точки зрения докладчика, лица, участвующие в ОРД, могут быть представлены в виде следующей системы субъектов и участников ОРД. Субъекты ОРД —

лица, обладающие властными полномочиями и непосредственно осуществляющие ОРД (органы, осуществляющие ОРД, руководитель органа, осуществляющего ОРД, оперативное подразделение, руководитель оперативного подразделения, оперативный сотрудник). К участникам ОРД относятся: лица, обладающие властными полномочиями с определенными ограничениями осуществления ОРД (Президент Республики Беларусь и др.); лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим ОРД (лицо, непосредственно участвующее в оперативно-розыскных мероприятиях (далее — ОРМ); лицо, присутствующее при проведении ОРМ; лицо, содействующее проведению ОРМ; лицо, предоставившее информацию на конфиденциальной основе; лицо, оказавшее анонимное содействие); лица, появление которых в сфере ОРД связано с защитой их собственных интересов (лица, пострадавшие от действий должностных лиц при осуществлении ОРД; лица, полагающие, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению или ограничению их прав и свобод; лица, вовлеченные в сферу ОРД в связи с необходимостью их проверки для работы на определенных объектах; лица, в отношении которых осуществлялась ОРД).

Нередко в современной юриспруденции ведутся научные дискуссии о рассмотрении субъекта права в новых условиях постклассического понимания права. Данный вопрос актуален и для науки ОРД. Нравственные аспекты в деятельности оперативного сотрудника в современной оперативно-розыскной теории изучаются недостаточно, в то время как в практической деятельности они представляют особую важность, поскольку влияют на эффективность оперативно-розыскной деятельности.

Здесь особую роль играют личностные характеристики оперативного сотрудника, отражающие этические категории долга, чести, совести, способность оперативного сотрудника руководствоваться ими в ситуации отсутствия общественного контроля, умение определить, насколько важны для него моральные нормы и правила, каково их истинное содержание и т. п. В связи с этим имеет большое значение учение о долге как таковом (деонтология).

Выработка основных направлений оперативно-розыскной деонтологии связана с объективной необходимостью: совершения определенных действий, направленных на пользу общества; формирования позиции, согласно которой общественный долг не должен смешиваться с личными интересами; решения задач ОРД; осознания сотрудниками совместного рационального поведения на основе общечеловеческих ценностей; формирования закономерностей должного поведения; разработки правил поведения в различных оперативно-розыскных ситуациях с недопустимым обратным поведением, связанным с созданием условий возникновения угрозы жизни и здоровью граждан; обеспечения свободы выбора поступков (запрещено склонять, подстрекать к совершению преступления). Данные обстоятельства определяют действия субъектов и участников ОРД в определенных нравственных пределах и создают условия для формиро-

вания нормативистского подхода в работе указанных лиц. Здесь мораль и право находятся в единой диалектической взаимосвязи.

Таким образом, через призму прошлого мы рассматриваем будущее и, пытаясь учесть антропологическую составляющую ОРД, насыщаем ее новым нравственно-психологическим и профессиональным содержанием.

В докладе «**Методологические проблемы определения оснований к возбуждению уголовного дела: поиск смысла и устранение заблуждений**» канд. юрид. наук, доцент **Юрий Сергеевич Климович** (Минск) подверг исследованию одну из центральных и активно используемых в уголовно-процессуальной практике конструкций — основания к возбуждению уголовного дела. Используя исторический и межотраслевой анализ, докладчик показал ошибочность сведения данного понятия к признакам преступления. Сделано предложение о необходимости замены в п. 1 ст. 167 УПК Республики Беларусь выражения «признаки преступления» словосочетанием «признаки состава преступления» и изложения его в следующей редакции: «1) наличие достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления». Аргументировано требование полностью исключить из указанной нормы выражения «при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу», так как действующая редакция статьи нарушает логический закон двойного отрицания и легализует завышенные требования к предмету доказывания в стадии возбуждения уголовного дела.

Кандидат юрид. наук, доцент **Римма Николаевна Ключко** (Гродно) выступила с докладом «**Половая неприкосновенность и половая свобода как объект уголовно-правовой охраны: аксиологический аспект**», в котором отметила, что уголовный закон создает ценностные ориентиры поведения людей в различных деятельностных сферах, в том числе в сфере сексуального поведения. Установление перечневого ряда преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, определение их криминообразующих признаков с учетом аксиологического подхода, позволяют: 1) четко установить пределы уголовно-правовой охраны объектов как определенных ценностей, сохранение которых позволяет обеспечить установленный порядок отношений в обществе в условиях антропологического кризиса; 2) учесть степень общественной опасности посягательств сексуальной направленности и разграничить их между собой, а также отграничить их от правомерного поведения.

Объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности определяется как система поведения, выражающая отношения между людьми в сексуальной сфере, предполагающая уважение права выбора сексуального партнера и моделей сексуального поведения, соблюдение правил сексуальной неприкосновенности лиц, находящихся в беспомощном состоянии и не достигших половой зрелости, обеспечивающих их половую неприкосновенность и нормальное физическое и нравственное половое развитие.

В докладе был проанализирован опыт нормативного закрепления в зарубежном законодательстве возраста потерпевшего, при недости-

жении которого действия сексуального характера, совершенные с согласия подростка, следует признавать изнасилованием либо насильственными действиями сексуального характера.

В целях обеспечения равенства полов и равной защиты прав потерпевших, независимо от характера сексуальных действий, предлагается признать конструктивным альтернативным признаком состава насильственных действий сексуального характера (как способа их совершения) применение насилия или угрозу его применения к лицам, близким потерпевшему.

Заочное участие в работе конференции приняли д-р юрид. наук, доцент **Елена Владимировна Тимошина** (Санкт-Петербург) с докладом «Нормы-правила и нормы-принципы: последствия нормативного дуализма для методологии судебного толкования», д-р юрид. наук, профессор **Григорий Алексеевич Василевич** (Минск) с докладом «К вопросу о методологии исследования в области прав человека в науке конституционного права», д-р юрид. наук, профессор **Сергей Иванович Максимов** (Харьков) с докладом «Модели осмысления правовой реальности: классическая и неклассическая», д-р ист. наук, доцент **Андрей Валерьевич Скоробогатов** (Казань), канд. юрид. наук, доцент **Александр Валерьевич Краснов** (Казань) с докладом «Постклассическая методология в изучении правовой политики России», канд. юрид. наук, доцент **Станислав Евгеньевич Данилюк** (Минск) с докладом «Опыт правопонимания через призму правообразующих факторов», д-р юрид. наук, доцент **Алексей Иванович Клименко** (Москва) с докладом «Смысловые координаты правового дискурса: к проблеме правопонимания», канд. юрид. наук, доцент **Николай Алексеевич Горбаток** (Минск) с докладом «Методологические особенности исследования состояния правосознания в контексте развития современной юриспруденции», д-р ист. наук, профессор **Алексей Федорович Вишневский** (Минск) с докладом «Доктринальные и практические противоречия в обосновании интегративной концепции права», канд. юрид. наук, доцент **Михаил Валерьевич Антонов** (Санкт-Петербург) с докладом «Правовой реализм и становление экономического анализа права», д-р юрид. наук, профессор **Владимир Алексеевич Толстик** (Нижний Новгород) с докладом «К вопросу о девальвации правопознания и как с ней бороться», канд. юрид. наук, доцент **Елена Михайловна Крупеня** (Москва) с докладом «Субъект статусного публичного права: некоторые проблемные вопросы в рамках постклассических правовых исследований», д-р юрид. наук, профессор **Анатолий Герасимович Тиковенко** (Минск) с докладом «Принцип субсидиарности в интеграционном праве», канд. юрид. наук, доцент **Владислав Валерьевич Денисенко** (Воронеж) с докладом «Легитимация норм в условиях рациональности правового регулирования», д-р юрид. наук, доцент **Людмила Олеговна Мурашко** (Минск) с докладом «О современных задачах теоретико-правовой науки в условиях различных правовых порядков», канд. ист. наук, доцент **Нина Валентиновна Исаева** (Иваново) с докладом «Феноменология правовой идентичности», канд. юрид. наук **Наталья Ивановна Сатохина** (Харьков) с докладом «Герменев-

тическая философия права между “истиной” и “методом”», канд. филос. наук, доцент **Александр Александрович Козел** (Минск) с докладом «Методологический плюрализм в юриспруденции как неизбежность», канд. юрид. наук, доцент **Василий Васильевич Марчук** (Минск) с докладом «К вопросу о методологии квалификации преступления», канд. юрид. наук, доцент **Николай Алексеевич Бабий** (Минск) с докладом «Философские категории “форма — содержание”, “род — вид” и классификация форм соучастия в преступлении на основе теории функциональных систем», канд. юрид. наук, доцент **Татьяна Геннадьевна Хатеневич** (Гродно) с докладом «Значение феномена юридических фикций в динамических процессах обеспечения устойчивости уголовного права», канд. юрид. наук, доцент **Вадим Вадимович Хилюта** (Гродно) с докладом «Уголовное право в эпоху постмодерна», канд. юрид. наук **Тигран Мехакович Казарян** (Ереван) с докладом «Методологическое значение “гильотины Юма” для нормативно-правового дискурса», канд. юрид. наук, доцент **Юрий Николаевич Беспалый** (Минск) с докладом «Методологические особенности познания справедливости в контексте проблемы понимания права», канд. юрид. наук, доцент **Олег Зиновьевич Панкевич** (Львов) с докладом «Коммунитаризм vs. либерализм: к вопросу о двух направлениях современной политико-правовой философии».

В завершение работы конференции с заключительным словом выступили ее организаторы — канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права **Вадим Иванович Павлов** и канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии **Анатолий Леонидович Савенок**, которые отметили творческий характер и продуктивность работы форума. По словам В. И. Павлова, особое значение проведенной конференции заключается в том, что к обсуждению методологических проблем современного правоведения активно подключились специалисты отраслевых и даже специальных юридических дисциплин, которые сделали попытку применить подходы постклассических правовых концепций к конкретным отраслевым институтам. Кроме того, несомненную пользу проведенного мероприятия В. И. Павлов видит в том, что состоялся конструктивный диалог представителей различных подходов к пониманию права и различных методологических традиций, значит, сделан еще один шаг навстречу к взаимному пониманию и методологическому диалогу.

Литература

Мартышин О. Э. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики: сб.

науч. тр. / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2017. 378 с.

Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.

References

Martyshin O. E. Ob osobennostiakh filosofsko-pravovoi metodologii [On the features of philosophical and legal methodology]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2016, no. 6, pp. 20–30. (In Russian)

Prigozhin I., Stengers I. *Poriadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos: a new dialogue between man and nature]. Eds. V. I. Arshinov, Yu. L. Klimontovich and Yu. V. Sachkov. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p. (In Russian)

Sovremennye podkhody k ponimaniyu prava i ikh vliianie na razvitie otraslevoi iuridicheskoi nauki, zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi praktiki: sb. nauch. tr. [Contemporary approaches to the understanding of the law and their impact on the development of industrial jurisprudence, legislation and law enforcement practice. Collection of proceedings]. Eds. V. I. Pavlov, A. L. Savenok. Minsk, Academy of MIA Publ., 2017. 378 p. (In Russian)

Syrykh V. M. Rossiiskie pravovedy na pereput'e: materialisticheskii ratsionalizm ili sub"ektivnyi idealizm? [Russian lawyers at the crossroads: materialistic rationalism or subjective idealism?]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2016, no. 1, pp. 75–89. (In Russian)